

УДК 35 + 571.1/5
DOI: 10.17223/19988613/58/24

Л.И. Шерстова

ДВИЖЕНИЕ РУССКИХ ЗА УРАЛ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОСА В XVII–XIX вв.

*Результаты получены в рамках выполнения государственного задания
Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.*

Рассматриваются направленность и содержание этнических процессов, протекавших в русском этносе в результате миграции его части за Урал, следствием чего стало формирование русского субэтноса – сибиряков. Делается вывод о том, что если первоначально преобладали процессы ассимиляции аборигенных народов Сибири, то к XIX в. они сменились аккультурационными процессами. Благодаря сложению нового субэтноса в Сибири русские расширили свою этническую территорию и обогатили свой культурный потенциал.

Ключевые слова: русские; аборигенные народы Сибири; этнические процессы; субэтнос.

Этническое состояние русских XVII в. и позже можно определить как «открытое», которое характеризуется такими признаками, как аморфность и размытость этнического сознания, слабость коммуникационных связей внутри этноса, культурное разнообразие в повседневной жизни и вариативность праздничной культуры. Уже на европейской территории России в силу ее обширности, разнообразия природных зон и региональных особенностей культуры и занятий русского этноса протекали процессы формирования этнографических групп – субэтносов русского этноса.

Специфические природно-климатические условия Севера России существенно изменили облик культуры северных русских и сместили доминанты их хозяйственной деятельности. Отход от пашенного земледелия или даже полный отказ от него, в ряде случаев – переход к морскому зверобойному промыслу и рыболовству, вообще промыслово-животноводческая направленность хозяйства, постоянная и тесная взаимосвязь с местным населением стали причиной и условием формирования одной из этнографических групп великороссов – поморов [1. С. 75–78].

Значение промысла, в первую очередь охоты (особенно пушной), было изначально велико как у архангелогородцев и поморов, так и у всего населения Русского Севера. Поэтому уже с XI в. осваивалась не только сухопутная дорога, но чуть позже и морской путь за Урал. Русские промышленники вместе с коми-зырянами начали осваивать богатую пушшиной Мангазею гораздо раньше «государевых людей» [2. С. 67–69]. Власти знали об этом, поэтому после первой неудачной попытки заложить Мангазейский острог, в 1601 г., отправляя с этой целью воевод Василия Мосальского и Савлука Пушкина, им приказали «взять в Березове у воеводы... в вожи зырян торговых людей и вы(мич) на все суды... которые от Мангазейской и Енисейской ход знали и толмачить умели», а придя к «Мангазейской и Енисейской самояди» сказать им «жалованное слово, что преже сего приходили к ним в Мангазею и в Енисею вымичи и пустозерцы, и многих государевых городов люди и дань с них имали воров-

ством на себя»; теперь же построенный острог защитит их «ото всяких обид» [3. С. 388–389].

Некоторые русские субэтносы проживали в европейской части компактно – поморы, группы терских, донских, астраханских казаков, мещера в Рязанском крае, другие – старообрядцы, однодворцы (юго-западные районы московских земель) – как компактно, так и дисперсно.

В ходе освоения сибирских пространств этнические процессы в русской среде еще сильнее интенсифицировались и непрерывно протекали в разных сочетаниях в зависимости от природно-климатических условий, разнотничности сибирского окружения, отношения с которым могли быть как очень тесными и постоянными, так и временными и краткими, т.е. продолжалось дальнейшее формирование русского этноса, вернее, одного из его субэтносов – русских сибиряков.

Начало консолидационных процессов великорусского этноса, т.е. начало его этногенеза, относится примерно к XI в., когда мигрировавшая в междуречье Оки и Волги часть восточнославянского (древнерусского) этноса ассимилировала местные финноязычные группы (мурома, мещера, меря). Результатом оседания переселенцев на новых территориях, где их соседями сделались прежние «хозяева», стала своеобразная «этническая сетка»: расселение первых налагалось на расселение вторых, повседневные бытовые и хозяйственные контакты закономерно приводили к этническому взаимодействию [4. С. 8], и процессы аккультурации и ассимиляции разворачивались достаточно интенсивно. В конечном итоге формирующийся великорусский этнос уже к XV в. в числе прочих растворил в себе финно-угорский субстрат [5. С. 55].

С другой стороны, древние и постоянные контакты восточных славян с Диким Полем, а с XIII в. – с Золотой Ордой, т.е. с тюрко-монгольским миром, этнополитическим фрагментом Центральной Азии, также существенно повлияли на этнокультурный комплекс будущих великороссов, на их вкусы и пристрастия [6. С. 46–50; 7]. Колонизация Прикамья, Приуралья, а затем и Западной Сибири столкнула русских с местными

аборигенами – финно-уграми, тюрками, самодийцами. И поскольку финно-угорский и тюркский субстраты уже органично вошли в состав великороссов, участвуя когда-то в их этноформировании, постольку русским и на индивидуальном, и на групповом уровне было привычным общение с неславянскими народами.

Оказавшись в Сибири, русские принесли туда евразийское этногенетическое субстратное наследие, которое ментально не противопоставляло их этносам Северной Евразии, не предполагало «национального высокомерия» по отношению к ним. К тому же постоянное расширение территории обитания, за которым не поспевал естественный рост численности русской этнопопуляции, и включение в нее все новых неславянских этнических компонентов препятствовали ее прочной внутренней консолидации, постепенно размывая ее, создавая все новые, достаточно нестабильные этнолокальные группы, не позволяя, таким образом, «замкнуться на себе и в себе». Следствием процессов миграции, аккумуляции и ассимиляции стали нечеткие этнографические признаки, обилие региональных специфических культурных черт и довольно аморфное этническое самосознание.

Поэтому в сознании людей XVI–XVII вв. и даже позднее понятие «русский» было равнозначно категории «православный» [8. С. 737], т.е. собственно этническая идентификация подменялась «конфессиональной» и подкреплялась последней. Это обстоятельство является наглядным выражением незавершенности этнической консолидации русского этноса, свидетельством отсутствия в этнониме жестко определенного внутреннего этнографического содержания накануне прибытия русских в Сибирь. Последнее обусловило отсутствие пренебрежения, высокомерия, ненависти к «чужим», к нерусским народам. Ксенофобия (во всяком случае по отношению к сибирским аборигенам) не являлась и не могла являться ментальной чертой русских периода освоения Сибири.

К тому же следует отметить, что наиболее ранняя волна русских мигрантов в Сибирь была связана с северорусскими областями, прежде всего с Поморьем и Приуральем. Северные русские к XVII в., как уже отмечалось, имели навыки общения с финно-угорским и самодийским населением не только Прикамья-Приуралья, но и Зауралья. Они серьезно расширили и оптимизировали систему своего жизнеобеспечения за счет пушной охоты, торговли и постоянных контактов с аборигенами. Для представителей этой русской этнопопуляции продвижение за Урал явилось всего лишь естественным продолжением приуральской колонизации – еще и потому, что она проходила в той же самой географической зоне – зоне тайги и лесотундры. И лишь много позднее – в лесостепи.

Отсюда следует, что «покорение» Сибири можно и нужно рассматривать как растянутую во времени «пульсирующую» миграцию русского этноса. В ней поход Ермака выглядит только частным эпизодом, а пространственным выражением «ударов пульса» являются три линии русских крепостей и городов: северная (Пелым, Березов, Обдорск и далее до Анадыря), средняя (Верхотурье, Тобольск, Сургут. Нарым,

Кетск, Енисейск и далее до Якутска) и южная (Тара, Ишим, Томск, Кузнецк, Красноярск и далее до Верхнеудинска и Албазина) [9. С. 13–20].

П.Н. Милуков связал все этапы колонизации русскими земель в единой процесс и пришел к выводу о закономерности ее завершения у берегов Тихого океана [10. С. 470–488]. Это была колонизация, к тому же подкрепляемая и амбициозными претензиями московских правителей на «ордынское наследие».

Взаимное «открытое состояние» русских и аборигенов упрощало и облегчало межэтнические контакты, обусловило не только успешность политики скорого и массового объясачивания аборигенов, но и налаживание тесных русско-аборигенных отношений. Следствием этих процессов стал пролонгированный этногенез русских за Уралом, который выразился в образовании микрогрупп русского этноса, которые во второй половине XIX в. получили обобщенное название «русских сибиряков» (старожилов).

На бытовом уровне этот процесс обеспечивался за счет распространенности русско-аборигенных браков. Ситуация облегчалась тем, что в XVII в. в Сибири было очень мало русских женщин. Поэтому большинство походов в «немирные земли» заканчивалось захватом детей и женщин. Так, во время похода 1641 г. Якова Тухачевского в Киргизскую землю «...жен их и детей взяли 130 человек, да верблюдов 150, да лошадей с 300...» [11. С. 103–104]. Женщин, как правило, быстро крестили, и они становились женами русских людей. Как отмечал С.В. Бахрушин, «учесть даже приблизительно количество крещеных туземок не представляется возможным» [12. С. 98].

По данным Б.О. Долгих, в середине XVII в. 10% юкагирских женщин были женами и наложницами служилых и промышленных людей [13. С. 171, 186]. Таким образом, закладывались условия для интенсивных процессов ассимиляции и формирования отдельной этнографической группы русского этноса – сибиряков. Но формирование этого субэтноса не привело к появлению однородной в культурном и бытовом плане общности, что определялось обширностью территории расселения русских, к тому же обладавшей разнообразием природно-климатических зон и географических ландшафтов, слабостью коммуникационных связей между русскими городами и острогами, взаимодействием с разнотничным аборигенным населением Сибири и, следовательно, включением в свою культуру разнородных элементов. В XVII–XVIII вв. основным фактором его формирования были русско-аборигенные браки, что, как уже отмечалось, провоцировалось в основном «мужским» характером раннего этапа освоения Сибири. Характер формирования русского субэтноса сибиряков носил «очаговый» характер, концентрируясь вокруг русских поселений в Сибири, между которыми сохранились обширные территории, населенные аборигенами.

В 1697 г. пятидесятник В. Атласов с 60 казаками и таким же числом юкагиров двумя отрядами «огнем и мечом» прошел по западному и восточному побережьям Камчатки, разрушая городки камчадалов и объясачивая их, а также основал Верхне-Камчатское ясачное зимовье.

Численность коряков и камчадалов к приходу русских составляла примерно 6 900 человек. В течение первых 18 лет после начала их объясачивания вследствие столкновений со служилыми людьми и участвовавшими между собой их численность сократилась на 20–23%. Достаточно благоприятные природные условия полуострова привлекали сюда промышленников, разночинцев, крестьян. В 1730-е гг. численность русского населения вместе с членами их семей составляла не менее 1 400 человек. Большая часть служилых людей и промышленников находилась в сожительстве с местными женщинами, так как и в начале XVIII в. недостатка в плененных женщинах не было [13. С. 217–218].

Вследствие злоупотреблений камчатских властей и восстаний численность камчадалов уменьшалась. Не менее серьезные демографические изменения произошли в 1768–1769 гг., когда среди камчадалов распространилась оспа. В результате эпидемии численность коренного населения Камчатки сократилась на 65% и упала до 2 600 человек обоего пола. Такие разрушительные последствия эпидемии объяснялись тем, что камчадалы вели оседлый образ жизни в многонаселенных острожках. Как отмечает И.С. Гурвич, «после эпидемии в конце XVIII в. на Камчатке резко изменилась этническая ситуация... Численность камчадалов составляла около 3 000 человек, т.е. всего на 1 тысячу превышала численность русского населения. Смешанные в национальном отношении браки в этих условиях получили широкое распространение. Как отмечал Ж. Лесепс после посещения камчадалских острожков, “природных жителей, которых кровь не смешана, очень мало”. Новая эпидемия 1799 г. вновь прервала начавшийся демографический рост камчадалов. В начале XIX в. их насчитывалось примерно 2 000 человек обоего пола» [13. С. 217–219].

Политические события XVIII в. предопределили особенности этнического состава населения Камчатки. В течение всего XIX в. камчадалам так и не удалось восстановить свою численность, соответствующую концу XVII в., т.е. накануне русской колонизации. К тому же увеличивающееся русское население полуострова усиливало ассимиляционные процессы, следствием чего стало складывание метисированной русскоговорящей новой этнической общности, принявшей самоназвание дорусского населения полуострова – «камчадалы». Небольшая часть аборигенов, сохранившая свой язык, в этих условиях получила этноним «ительмены». Таким образом, этническая история Камчатки показывает, как в течение двухсот лет в результате русско-камчадалских контактов сформировался новый русский субэтнос, сохранивший аборигенный этноним, но существенно изменивший хозяйственный и культурный облик. Собственно же остатки камчадалов стали именоваться ительменами [12. С. 218].

Не останавливаясь на вопросе складывания группы сибирских линейных казаков, следует отметить, что в их формировании участвовали донские и запорожские казаки, переселенные со своих исконных земель, крестьяне, которых неоднократно поверстывали в казаки. Например, в 1846 г. появился указ, по которому «киргизам (казахам), проживающим в (казачьих) станицах,

велено было выселиться из них или поступить в казаки» [14. С. 544].

Однако формирование смешанного населения Сибирской линии началось еще в XVIII в., что было связано с обычной для Сибири той поры практикой торговли ясырем (рабами из плененных). Неудивительно, что заметной статьёй ойратско-русской торговли были рабы. Ш.Б. Чимитдоржиев отмечал, что в документах того времени часто встречаются такие выражения, как «ясырь из колмаков», «полоненный мунгальский ясырь». Основная масса купленных рабов уходила в Европейскую Россию [15. С. 34–35], поскольку уже к концу XVII в. все сибирские сословия, включая местных аборигенов, обзавелись собственными холопами.

Новым толчком к развитию работорговли в Сибири послужили события 1753–1758 гг., когда Китай разгромил, наконец, Джунгарское ханство. Чтобы каким-то образом отрегулировать вопросы торговли людьми, в 1756 г. появились правила покупки и казахов пленников. При этом сибирский губернатор Мятлев, ссылаясь на Уложение, объяснял это необходимостью «для преумножения домочадцев в сибирских городах, малолюдных и недостаточных: купцы и юрточные бухарцы, выменивая или покупая невольников, обязаны были обращать их в христианство» [9. С. 17].

Отношение властей к работорговле оставалось двойственным вплоть до первой половины XIX в. С одной стороны, присутствовало понимание недостойности распространения такого явления для просвещенной страны. Отсюда – указы 1818, 1822, 1825, 1826 гг., направленные на ограничение торговли невольниками в Сибири, хотя это было время расцвета крепостничества в Европейской России. Однако если там владельцами крепостных могли быть лишь дворяне, то в Сибири, как отмечалось, холопами владели представители всех свободных сословий, прежде всего купечество.

То, что центральная и местная власти резко не ограничивали работорговлю в XVII–XVIII вв., определялось сохранением евразийской традиции русской государственности, направленной на увеличение численности русских подданных в Сибири. Тезис московских царей «полнить волости» своеобразно трансформировался в стремление увеличивать число подданных и за счет невольников. Такой подход к иноэтничным пленникам способствовал их быстрой ассимиляции, особенно на линии. В 1818 г. в Томской казенной палате рассматривалось дело пятидесятника Сибирского линейного казачьего войска Федора Бедрина. Выяснилось, что у него «принят за сына» крещеный калмык Антон Бедрин, а также на воспитании находятся «таковые же» Василий и Михаил. Все трое «пользуются наравне с прочими Казачьему войску присвоенными выгодами и ни в какой другой род жизни, кроме казачьего сословия, поступать не желают» [16. Л. 2]. Уже современники отмечали чрезвычайно смешанный состав сибирских казаков, в частности их «калмыковатость» [17. С.433]. Согласно данным Ж.О. Артыкбаева, в состав казаков, кроме русских, вошли украинцы, мордва (до 7%), белорусы (до 3%), казахи (до 3%), татары, калмыки, башкиры, чувашаи и т.д. [18. С. 167].

Таким образом, линия превратилась в один из мощных узлов этногонии. Однако процесс ассимиляции не мог завершиться сложением какого-либо нового этноса, ибо метисные потомки автоматически вливались прежде всего в казачье сословие. Они могли выделяться внешним обликом, сохранять некоторую культурную специфику, но, как правило, говорили только по-русски и, будучи православными, оказывались лишь этническим компонентом русского этноса в Сибири – этнографической группой сибирских казаков.

Аналогичным образом в Забайкалье в результате русско-бурятских и русско-тунгусских браков шло формирование еще одной группы сибирского субэтноса русских – карымов [17. С. 435]. Процессам русско-аборигенных ассимиляционных процессов, помимо «открытого» этнического состояния русских и аборигенов, отсутствия ксенофобских настроений, способствовал и сословный принцип организации московской, а затем и имперской государственности. В соответствии с ним потомки от смешанных браков записывались в сословие своих, как правило, русских отцов – служилых, казаков, крестьян, позже мещан, купцов. Более того, как уже отмечалось, с начала XIX в. бывшие холопы или вызволенные из рабства аборигены могли сами выбирать сословие. В результате в Сибири не сложилась значительная метисированная общность, чей социальный статус не был бы определен. Соответственно, это закрепляло включение этнически и культурно смешанных групп в социальную структуру Российского государства, пополняя уже существовавшие сословия, а на этническом уровне потомки смешанных браков пополняли русское население Сибири.

Если в XVII–XVIII вв. складывание русских сибиряков шло в основном вследствие ассимиляционных процессов, то с XIX в. усиливается значимость процессов аккультурации, что было связано с ростом численности прибывающих из-за Урала новых русских переселенцев. С 1719 по 1792 г. русское население увеличилось с 169 тыс. до 412 тыс.; численность же аборигенов-мужчин к концу XVIII в. составила 183 тыс. человек [19. С. 139–152].

Новые русские миграции также приводили к образованию зон интенсивных этнокультурных контактов, где зарождались смешанные и новые этнические общности. В середине XVIII в., после гибели Джунгарского ханства, начинают быстро заселяться русскими крестьянами степная и лесостепная зоны Иртышско-Енисейского междуречья.

Росло количество русских поселенцев, вместе с этим увеличивалось число смешанных поселков. С преобладанием денежных выплат все больше сибирских аборигенов становилось в русских деревнях, где они нанимались на разные работы. В результате тесных контактов усиливались аккультурационные процессы, и часть аборигенного населения постепенно переходила на русский язык и русскую культуру, а некоторые меняли и сословную принадлежность. Так, в Кизильской степной думе (Енисейская губерния) с 1837 по 1850-е гг. в крестьяне Ужурской и Балахтинской волостей Ачинского округа перешло 86 аборигенных семей. С 1833 по 1860 г. крестьянское сословие только

одной Ужурской волости пополнилось 113 домохозяевами-инородцами [20. С. 187–189].

Особое место среди аборигенных административных образований степного Алтая занимала Кумышская инородная управа Барнаульского округа, преобразованная из одноименной ясачной волости в результате реформ М. Сперанского. Эта волость возникла на р. Бурле в 1764 г. (1769 г.) по Указу Екатерины II как ответ на просьбу десяти «ясашных» семей Орской волости Колыванского округа о переселении на «пустопорожние» земли. Основная масса кумышей расселялась в Обь-Томском междуречье, образуя две многонаселенные Кумышские волости (позднее – управы) в Кузнецком и Томском округах.

В 1820-е гг. кумыши проживали на р. Бурле в пяти деревнях – Хабаровой (119 д.м.п.), Половинной (44 д.м.п.), Подогревке (22 д.м.п.), Осиновой (6 д.м.п.) и Котешной (23 д.м.п.). Среди фамилий кумышей часто встречались Холкины, Миловановы, Калачиковы, Мальцовы, Мурашкины, Парфеновы, Малышевы, Ключиковы, Пискуновы [21. Л. 49 об.]. По мнению Н.М. Ядринцева, во второй половине XIX в. население Кумышской инородной управы Барнаульского округа внешне не отличалось от местных крестьян, занималось земледелием, по благосостоянию не уступало русским крестьянам, было зажиточным – в Хабарках проходила ярмарка и была открыта школа. Кумыши проживали в семи деревнях, их управа была приписана к Барнаульскому округу, а сами они фактически слились с русскими крестьянским культурным миром [22. С. 94–95].

Такая интенсивная русификация протекала в зонах тесных русско-аборигенных контактов всего степного земледельческого пояса от Урала до Амура. В результате русское население Сибири пополнялось аборигенным компонентом не только в ходе ассимиляции, что было характерно для XVII–XVIII вв., но и в процессе аккультурации. Показательно, что наиболее ранние группы русских сибиряков складывались, как правило, в доземледельческий период русской истории Сибири в результате ассимиляции. Это – камчадалы, карымы, линейные казаки, возможно, колымчане на Колыме и ее притоках, марковцы на Анадыре, рускоустыинцы в низовьях Индигирки, «затундренные крестьяне» на реках Пясине и Анабару, на востоке Таймыра, якутяне по берегам Лены, вплоть до Алдана (следствие русско-якутских браков). С усилением русской, уже земледельческой колонизации, когда переселялись из-за Урала семьями и проблема нехватки русских женщин исчезла, возрастала значимость аккультурационных процессов в среде аборигенного населения от Урала до Амура.

В начале XIX в. не только кумыши степного Алтая, но и многочисленные инородные управы междуречья Оби и Енисея были полностью русифицированы, не столько вследствие русско-аборигенных браков, сколько в результате проведенной в XVIII в. христианизации и благодаря постоянным русско-аборигенным контактам в совместной бытовой, повседневной жизни. К этому времени основная масса аборигенного населения была уже настолько русифицирована, что безболезненно пе-

ретекала в русское крестьянство степной Сибири. И только фамильный состав части сибирского русского крестьянства сохранял память о его дорусских истоках.

Характеристика сибирского субэтноса русских будет неполной без учета многочисленных старообрядческих общностей, расселенных по всей Сибири как компактно, так и дисперсно с конца XVII в. Компактные группы старообрядцев состояли из переселенных Екатериной II беглецов старой веры на р. Ветку в Польше, но после ее раздела вновь оказавшихся под русской властью. В 1760-е гг. они двумя большими группами были переселены в Сибирь. Одна, оказавшаяся на Алтае, стала известна, как «поляки». Другая группа, высленная в Забайкалье, получила название «семейских». Это были достаточно замкнутые общности, хранившие допетровские традиции в религиозной и бытовой культуре, которые сознательно изолировались от всякого общения не только с аборигенами, но и с переселенцами-никонианами, что позволяло им выделяться из основной массы европейской переселенцев [23. С. 2, 47–48.].

Следует заметить, что появление русских поселений в Сибири было связано не только с деятельностью центральной и местной русской власти. Изначально присутствовала и вольная русская земледельческая колонизация, которая в Сибири приобрела своеобразные черты. В некоторых случаях вольная земледельческая колонизация опережала государственное закрепление новых земель.

Здесь показательна история заселения земель по р. Бухтарме и Нарыму. В отечественной литературе эта группа поселенцев известна, как «каменщики», т.е. «живущие в камне» – «в горах». Вопрос о дате ее формирования может решаться только предположительно, так как архивные данные отсутствуют. Первые сведения об этой группе поселенцев за пределами Колывано-Воскресенской линии фигурируют в донесениях коменданта «пограничной» Усть-Каменогорской крепости Густава Штрэндмана в Коллегию иностранных дел графу А. Безбродко. Он сообщал, что по «его прибытию в сибирский корпус» в 1787 г. он «часто получал сообщения из разных источников, что по рекам Иртышу и Бухтарме, в горах, прилегающих к китайской границе, находится немалое число российских беглецов с женами и детьми, имеющих там хлебопашество и прочее домашнее обзаводство, которых якобы китайцы, как они около их постов находятся, весьма приветствуют... и в нуждах не оставляют». Несмотря на то, что из Усть-Каменогорской крепости не раз отправлялись военные команды, чтобы найти и вернуть этих русских беглецов, «по причине непроходимости тех мест и ущелий, команды без успеха возвращались» [24. Л. 5].

Следует полагать, что общество «каменщиков» было достаточно неоднородно в сословном отношении – помимо приписных крестьян, рабочих и мастеровых с заводов и рудников в него входили беглые военные, причем не только простые солдаты или казаки. Большая его часть состояла, видимо, из мужчин разных сословий, среди которых, безусловно, было достаточно много людей с авантюрным характером, смелых и уверенных в себе. Характеристика «каменщиков» бу-

дет неполной без учета профессиональных особенностей беглецов. Известно, что среди первых рабочих и мастеровых, привезенных А. Демидовым с Урала, было достаточное количество старообрядцев. Видимо, этот профессиональный компонент увеличивался и за счет тех старообрядцев, которые отправлялись на поиски Беловодья – «земли обетованной» – не только из Сибири, но и из европейской части, так как один из путей проходил через Горный Алтай. Не случайно среди условий, на которых «каменщики» вновь стали бы российскими подданными, была и такая просьба – «чтобы у них не разоряли раскольниковую веру и священников к ним не определяли» [Там же. Л. 8 об].

Несмотря на сословную, профессиональную, а возможно, и этническую неоднородность, это общество «беглецов» было хорошо организовано и, видимо, имело свою систему управления. Оно сохраняло традиции самоуправлявшихся северорусских общин, независимый дух «казацкого круга», старообрядческую замкнутость. Будучи сплоченным, оно оказывалось неуязвимым для воинских команд, посылаемых с линии, которые не могли обнаружить их поселения, а значит система связи между деревнями действовала постоянно, предупреждая об опасности. Имея для защиты достаточное число вооруженных людей под командованием профессионального военного, оно могло защитить крестьян от угрозы китайских или казахских нападений, и последние, видимо, осознавали это. В то же время «каменщики» сумели наладить с ними отношения, занимаясь торговлей, в том числе охотничьими трофеями. Они были прекрасными следопытами, изучив не только горные районы, прилегающие к Бухтарме и Иртышу, но и осваивали долину Коксы.

Одним из условий возвращения вновь в российское подданство была просьба исключить «каменщиков» из «прежних подушных податей и чтобы приказано им было плату в казну производить зверьями» [Там же. Л. 5 об., 6, 7 об., 8 об., 10]. Они прекрасно понимали, что в этом случае их положение будет тождественно положению «иноверских», т.е. аборигенных народов Сибири, чье тягло определялось ясаком, а в сословном смысле они образовывали бы сословие «ясачных», в котором можно было только родиться. Определяя для себя вид повинности в виде пушнины (звериных шкур), «каменщики» – русские по происхождению люди – по своей воле уравнивались с коренным населением Сибири.

Фактически все условия принятия вновь российского подданства, на которые указывали «каменщики», были выполнены. В 1792 г. они в качестве «ясачных» официально заняли свое место в сословной структуре империи. После образования в 1804 г. Томской губернии Бухтарминская ясачная волость была причислена к Бийскому округу. Согласно Уставу об управлении инородцев (1822), «ясачные», бывшие «каменщики», официально стали именоваться по названию сословия – «инородцами», а Бухтарминская ясачная волость была переименована в Бухтарминскую инородную управу и в 1824 г. насчитывала 275 р.д. [25. Л. 62]. Решением Второй ясачной комиссии (1830-е гг.) сословный статус и название органа управления были

сохранены. Русские по происхождению – бухтарминцы – официально считались «инородцами», так как сохранялся вид их тягла – ясак. Несмотря на законодательно запрещенную возможность включения в свой состав новых беглецов, в 1849 г. они насчитывали уже 411 р.д. [26. Л. 1167], а к концу XIX в. – 872 р.д. Они расселились в основном в бассейне Бухтармы, в деревнях Сенной, Быковой, Малонарымской, Верх-Бухтарминской, Язовой, Фыкальской и т.д.

К этому времени было восстановлено соответствие сословного состояния этой группы и их этнической принадлежности. В 1876 г. Бухтарминская инородная управа была преобразована в Верх-Бухтарминскую крестьянскую волость [27. Л. 280], а «инородцы» Бухтармы официально стали именоваться крестьянами, так как на них были распространены обязанности и виды податей, определенные для русских крестьян Сибири. Так закончился интересный период истории одной из русских групп – части сибирского субэтноса, начавшей свою историю за пределами российской территории, но своим расселением определившей границы Российской империи.

«Каменщики» и старообрядцы – «поляки» и «семейские», – хотя и имели некоторые культурные и бытовые особенности, были частью крестьянского и городского старожильского населения Сибири, у которого также шло формирование специфических черт в образе жизни, отличных от европейских русских. Поэтому наряду с оформившимися уже в Сибири вследствие русско-аборигенных процессов аккультурации и ассимиляции метисными группами они составили новую этническую общность – субэтнос русского этноса – сибиряков.

Пролонгированный процесс дальнейшего развития русского этноса за Уралом во второй половине XIX в. очень образно представил А.П. Щапов: «Русское народонаселение еще переживает непосредственно-натуральный процесс национального образования, зарождения, нарастания в нацию или народ. Еще не сложился и не определился во всей ценности и опре-

деленности его национально-физиологический тип. Еще слишком явственно и грубо выступают в этнографическом составе русского народа разнообразные, разноплеменные контингенты, не организованные в одно целостное тело». И далее: «В Сибири не мог образоваться и не образовался новый народ или новая нация... [Здесь]... развивается довольно заметная областная разновидность великорусского народа...» [17. С. 402, 432].

То, что А.П. Щапов называл «областным типом», в этнографической науке получило название «субэтноса». Следует добавить, что формирование субэтносов в рамках любого этноса – явление универсальное, присущее всем народам, которое демонстрирует уникальные возможности человеческих популяций осваивать разные природные зоны, адаптироваться к непривычным природно-климатическим условиям, менять традиционные занятия, приобретать новые культурные черты, в том числе и в результате взаимодействий с аборигенным населением. И русский этнос не является исключением – расселившись от Балтийского моря до Тихого океана, контактируя с разными народами, он показал свою жизнеспособность, с одной стороны, а с другой – сохранил этническое единство, язык, общую русскую культуру, единое самосознание.

Однако следствием столь масштабной колонизации стало наличие в его составе различных субэтносов со специфическими культурными чертами, одним из которых и являются сибиряки, которые также не являются однородными. Важным представляется то, что и для них (по крайней мере большей части) именно принадлежность к русскому этносу, а не к своему субэтносу, является определяющей, что доказывает наличие единой русской идентичности, в которой имеются различные субэтнические уровни. Именно они придают разнообразие, мозаичность русской культуре в целом, обеспечивая ее жизнеспособность и огромный потенциал адаптационных возможностей как к иному природному окружению, так и к различным культурным, социально-экономическим новациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштам Т.А. Поморы. Л., 1978. 175 с.
2. Бахрушин С.В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. М., 1929. С. 67–69.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. I. 607 с.
4. Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 1997. 827 с.
5. Ключевский В.О. Русская история. Ростов н/Д., 1998. Кн. I. 608 с.
6. Гумилев Л.Н. От Руси к России : очерки этнической истории. СПб., 1992. 384 с.
7. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993. С. 59–75.
8. Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII в. М., 1964. 320 с.
9. Словцов П. Историческое обозрение Сибири. М., 1838. 590 с.
10. Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. I. 528 с.
11. Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв. // под ред. В.Я. Бутанаева, А. Абдыкалыкова. Абакан, 1995. 250 с.
12. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII веке // Научные труды. М., 1959. Т. IV. 257 с.
13. Этническая история народов Севера / под ред. И.С. Гурвича. М., 1982. 262 с.
14. Щеглов И.П. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1832. Иркутск, 1833. 778 с.
15. Чимитдорджиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987. 239 с.
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 273.
17. Щапов А.П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Щапов А.П. Сочинения. СПб., 1906. Т. II. С. 435–458.
18. Артыкбаев Ж.О. Этнология. Алматы, 2006. 316 с.
19. Кабузан В.Т., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII веке // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1962. Вып. I. С. 139–152.
20. Ярилов А.А. Кизильцы и их хозяйство. Юрьев, 1899. 366 с.
21. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 54.

22. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 308 с.
23. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. 460 с.
24. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 24. Оп. 1. Д. 65.
25. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 54.
26. ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 56.
27. ГАТО. Ф. 3. Оп. 49. Д. 289.

Sherstova Lyudmila I. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sherstova58@mail.ru

RUSSIAN MOVEMENT BEYOND THE URALS: ETHNO-CULTURAL TRANSFORMATIONS OF THE ETHNOS IN THE XVII–XIX CENTURIES

Keywords: the Russians; aboriginal peoples of Siberia; ethnic processes; sub-ethnos.

The article observes the ethnic processes and ethnic status of Russians on the eve and during the colonization of the territory beyond the Urals by them. It is concluded that also in the European territory of Russia, due to its vastness, diversity of natural zones and regional features of culture and occupation of the Russian ethnos, in the Russian ethnos the processes of formation of ethnographic groups – sub-ethnoses of the Russian ethnos (Cossacks, Pomors, Old Believers) – took place. During the development of the Siberian space, ethnic processes among Russians intensified even more and went on continuously in different combinations, depending on the climatic conditions, the heterogeneity of the Siberian society. A consequence of these processes was the prolonged ethnogenesis of Russians beyond the Urals, which manifested itself in the formation of microgroups of the Russian ethnos. These microgroups in the second half of the 19th century were called sub-ethnos of Russian Siberians (old-term residents).

The formation of this sub-ethnos did not lead to the formation of cultural and economic homogeneous community (“Kamenshchiks” – Bukhtarman, Karyms, Kamchadals, Siberian Cossacks, etc). The reason was the vastness of the territory of the resettlement of Russians in Siberia. This territory had a variety of climatic zones and geographical landscapes. Also the reason was the weakness of communication links between Russian cities and fortress, the communication with heterogeneous aboriginal population of Siberia and therefore the inclusion of heterogeneous elements in culture. In the 17–18th centuries the main factor in the formation of the sub-ethnos of “Russian Siberians” was Russian-aboriginal marriages, which is explained mainly by the “masculine” character of the early stage of the development of Siberia. The formation of the sub-ethnos was “focal”, concentrating around Russian settlements in Siberia, between which were preserved vast territories inhabited by aboriginal population.

The expansion of agricultural colonization of Siberia in the second half of the 18th century, the intensification of communication between Russians and aboriginal population in everyday life had a strong influence to the processes of acculturation. Part of the aboriginal population gradually began to use the Russian language and to adopt Russian culture and some people changed their class status. By the end of the 19th century a significant part of the aboriginal population of the steppe zone of Siberia had already been so russified that became a part of Russian peasantry of the steppe Siberia.

The consequence of the large-scale colonization of northern Eurasia by Russians was the presence in their composition of various sub-ethnoses with specific cultural features. One of sub-ethnos is “Russian Siberians” which are also not homogeneous. It should be noted that for them (at least for the most part of them) belonging to the Russian ethnos not to their sub-ethnos was more important. This fact proves the existence of one Russian identity which has various sub-ethnic levels. These sub-ethnic levels add variety and “mosaic structure” to Russian culture, ensure its viability and huge potential for adaptation to a different natural environment and to various cultural, social and economic innovations.

REFERENCES

1. Bernshtam, T.A. (1978) *Pomorj* [Pomors]. Leningrad: Nauka.
2. Bakhrushin, S.V. (1929) Sibirskie tuzemtsy pod russkoy vlast'yu do revolyutsii 1917 g. [Siberian indigenous peoples under Russian rule before the revolution of 1917]. *Sovetskiy Sever*. 1. pp. 67–69.
3. Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura.
4. Aleksandrov, V.A., Vlasova, I.V. & Polishchuk, N.S. (eds) (1997) *Russkie* [The Russians]. Moscow: Nauka.
5. Klyuchevsky, V.O. (1998) *Russkaya istoriya* [Russian History]. Vol. 1. Rostov-on-Don: [s.n.].
6. Gumilev, L.N. (1992) *Ot Rusi k Rossii: ocherki etnicheskoy istorii* [From Rus to Russia: essays on ethnic history]. St. Petersburg: Ekopross.
7. Trubetskoy, N.S. (1993) O turanskom elemente v russkoy kul'ture [About the Turanian Element in Russian Culture]. In: Novikova, L.I. & Sizemskaya, I.N. (eds) *Rossiya mezhdru Evropoy i Aziey: Evraziyskiy soblazn* [Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation]. Moscow: Nauka. pp. 59–75.
8. Aleksandrov, V.A (1964) *Russkoe naselenie Sibiri v XVII – nachale XVIII v.* [Russian population in Siberia in the 17th – early 18th century]. Moscow: Nauka.
9. Slovtsov, P. (1838) *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [Historical Review of Siberia]. Moscow: A. Semen.
10. Milyukov, P.N. (1993) *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. Vol. 1. Moscow: Progress-Kul'tura.
11. Butanaev, V.Ya. & Abdylkalykov, A. (eds) (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVII–XVIII vv.* [Materials on the History of Khakassia in the 17th – 18th centuries]. Abakan: N.F. Katanov Khakassia State University.
12. Bakhrushin, S.V. (1959) Ocherki po istorii Krasnoyarskogo uezda v XVII veke [Essays on the history of the Krasnoyarsk district in the 17th century]. In: *Nauchnye trudy* [Research Materials]. Vol. 4. Moscow: [s.n.].
13. Gurvich, I.S. (ed.) (1982) *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnic History of the Northern Peoples]. Moscow: Nauka.
14. Shcheglov, I.P. (1833) *Khronologicheskii perechen' vazhneyshikh dannyykh iz istorii Sibiri. 1032–1832* [Chronological list of the most important data from the history of Siberia. 1032–1832]. Irkutsk: East-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society.
15. Chimidordzhiev, Sh.B. (1987) *Rossiya i Mongoliya* [Russia and Mongolia]. Moscow: Nauka.
16. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1. List 1. File 273.
17. Shchapov, A.P. (1906) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. St. Petersburg: M.V. Pirozhkov. pp. 435–458.
18. Artykbaev, Zh.O. (2006) *Etnologiya* [Ethnology]. Almaty: Kazak Universitety.
19. Kabuzan, V.T. & Troitskiy, S.M. (1962) Dvizhenie naseleniya Sibiri v XVIII veke [The movement of Siberian population in the 18th century]. In: Shunkov, V.I. (ed.) *Sibir' perioda feodalizma* [Siberia during Feudal Period]. Issue 1. Novosibirsk: USSR AS. pp. 139–152.

20. Yarilov, A.A. (1899) *Kizil'tsy i ikh khozyaystvo* [Kyzyl people and their economy]. Yuriev: K. Mattison.
21. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 144. List 1. File 54.
22. Yadrintsev, N.M. (1891) *Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie* [Siberian non-Russian, their way of life and their current situation]. St. Petersburg: I.M. Sibiryakov.
23. Blomkvist, E.E., Grinkova, N.P (1930) *Bukhtarminskie starobryadtsy* [Bukhtarma Old Believers]. Leningrad: USSR AS.
24. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 24. List 1. File 65.
25. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 144. List 1. File 54.
26. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 2. List 2. File 56.
27. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 49. File 289.